

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Х. ФЕНРИХ

К ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКОЙ ГИПОТЕЗЕ

Методы исследования, выдвинутые сравнительно-историческим языкознанием, первоначально были апробированы при изучении индоевропейских языков. Однако для того, чтобы их можно было обобщить, их следовало подтвердить и на материале неиндоевропейских языков. В этом отношении коренные кавказские языки предоставляли в распоряжение исследователей весьма ценные сведения. Кавказоведение и сравнительно-историческое языкознание, связанные давними и тесными контактами, и теперь взаимообогащаются и стимулируют развитие друг друга.

Кавказ, называвшийся в древности «горой языков», вмещает на своей территории языки самых различных семей. Здесь рядом с картвельскими, абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими соседствуют также позднее распространившиеся языки других семей: индоевропейской (осетинский, курдский, армянский и др.), семитской (ассирийский) и алтайской (азербайджанский, кумыкский, балкарский и др.).

С давних пор Кавказ является родиной для трех семей языков, обозначавшихся раньше как собственно «кавказские»: 1) картвельские (грузинский, занский, сванский), 2) абхазско-адыгские (абхазский, абазинский, убыхский, кабардинский, адыгейский) и 3) нахско-дагестанские (чеченский, ингушский, бацбийский; аварский, андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский, дидойский, хваршинский, гинухский, гунзибский, бежитинский, лакский, даргинский, лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, хиналугский, удинский). Н. С. Трубецкой справедливо заметил, что термин «кавказские языки» характеризует лишь географическое распространение языков и не указывает ни на их генетическое родство, ни на их обособленность от индоевропейских, семитских и алтайских языков¹.

В языках трех семей, с давних пор соседствующих на Кавказе, имеется много сходных черт, однако при этом между ними обнаруживаются и большие расхождения. Каждый из входящих в эти три семьи языков располагает особыми рода фонем, так называемыми абруптивами, которые образуются при помощи двойного затвора (обычного затвора взрывных и гортанного затвора). Кроме того, в языках всех трех семей господствует «результативное языковое мышление» (*resultatives Sprachdenken*), т. е. прямой объект при переходных глаголах трактуется так же, как и субъект при непереходных глаголах (правда, в некоторых языках, например, в грузинском, эта черта ограничена определенной частью глагольной си-

¹ N. T r o u b e t z k o y, *Langues caucasiqnes septentrionales*, сб. «Les langues du monde», Paris, 1924, стр. 327.

стемы). Все три семьи языков обладают развитой системой спряжения. Строй этих языков в основном синтетический и агглютинирующий. Этим в основном и исчерпывается структурный параллелизм, свойственный абсолютно всем языкам трех семей. Кроме того, конечно, имеется и много других сходжений, однако чаще всего они не прослеживаются по всем рассматриваемым языкам.

Так, например, картвельские, абхазско-адыгские и нахско-дагестанские языки часто характеризуются как языки с богатой консонантной системой и слабо развитой вокалической. Что касается богатства консонантной системы, то это утверждение, конечно, весьма относительно, однако для большей части языков, несомненно, справедливо. Г. Фогт усматривает, например, в фонологической системе убыхского языка 80 согласных фонем², которым противостоят три гласных. В большинстве языков этих семей мы также найдем подобное соотношение согласных и гласных. Однако существуют и языки, обладающие сравнительно развитой вокалической системой. Так, например, в чамалинском языке насчитывается пятнадцать, в ахвахском двадцать и в гунизбском двадцать четыре гласных.

Фонологические системы отдельных языков весьма различны по своему инвентарю, так что даже между языками одной и той же семьи обнаруживаются значительные расхождения. Аваро-андийские языки отличаются значительным числом латеральных, которые в большинстве других языков нахско-дагестанской семьи (за исключением арчинского, хиналугского, бацбийского) отсутствуют. «Усиленные» (*verstärkte*) согласные нахско-дагестанских языков не имеют эквивалентов в картвельских языках. Точно так же свистяще-шипящие, существующие в языках абхазско-адыгской семьи, отсутствуют в нахско-дагестанских и современных картвельских языках.

Отличительной чертой языков всех трех семей часто называют эргативную конструкцию, в которой субъект переходных глаголов ставится в эргативе, прямой же объект, напротив, в качестве центрального предмета действия выступает в номинативе. Не говоря о том, что эргатив в этих языках, кажется, является сравнительно новым образованием, следует заметить, что не все они располагают системой склонения (ср. абхазский), а некоторые из них, не имея собственных показателей эргатива, используют в его функции инструменталис или какой-либо другой падеж. Наличие эргатива влечет за собой отсутствие аккузатива, так что мы можем рассматривать отсутствие аккузатива в качестве общего негативного признака, присущего всем этим языкам.

В большинстве языков этих трех семей глагол *хотеть* и вообще глаголы, передающие чувственные восприятия, образуют дативную конструкцию предложения, в которой субъект стоит в дательном падеже, а прямой объект — в номинативе.

Имена в нахско-дагестанских языках распределены по общим, строго определенным классам, которым соответствует определенная форма глагола. Южнокавказские (картвельские) языки не знают именных классов в этом смысле. Таким образом, классному спряжению нахско-дагестанских языков противостоит личное спряжение в картвельских и абхазско-адыгских языках. Однако даже внутри нахско-дагестанской семьи картина неоднородна. В то время как большинство языков этой семьи располагает классным спряжением, имеются также и такие, в которых наблюдается заметная тенденция к замене классного спряжения личным, например, табасаранский, южный диалект которого уже почти полностью утратил

² Н. V o g't, Dictionnaire de la langue oubykh, Oslo, 1963, стр. 13.

спряжение по классам³. В некоторых же языках, например, в лакском и даргинском, личное спряжение утвердилось уже окончательно.

Уже давно в сравнительно-историческом языкознании обсуждается проблема взаимоотношения этих трех семей автохтонных кавказских языков. Мнения разделяются: в то время как одни языковеды считают структурные параллелизмы второстепенными и не признают генетического родства этих языков, другие выступают за их генетическую общность. Однако ни одну из этих точек зрения нельзя считать доказанной.

Иберийско-кавказская гипотеза предполагает, что картвельские, абхазско-адыгские и нахско-дагестанские языки родственны генетически и все вместе образуют семью иберийско-кавказских языков, восходящих к одному языку-основе. Таково мнение А. Чикобава⁴. К иберийско-кавказским языкам этот ученый относит также субстрат в армянском и языки древних албанцев близ Каспийского моря⁵.

Иберийско-кавказская гипотеза принадлежит к числу в высшей степени интересных и важных соображений об отношениях трех языковых семей Кавказа и Закавказья. Подобными проблемами занимался уже Н. С. Трубецкой, который, отстаивая мнение о том, что абхазско-адыгские языки родственны нахско-дагестанским, в то же время ставил под большое сомнение (правда, не в полной мере владея материалом) их генетические связи с картвельскими языками⁶.

До последнего времени иберийско-кавказская гипотеза резко оспаривается. Убедительных доказательств в ее пользу до сих пор еще так и не выдвинуто. Аргументы же могут быть основательными только в том случае, если они соответствуют строгим методическим принципам сравнительно-исторического языкознания.

Таким образом, вполне естественно, что параллелизмы в типологии языков трех семей не могут иметь доказательной силы в пользу генетического родства: ведь при этом речь идет о критериях, при помощи которых мы не в состоянии строго отличить случайные исторические связи от закономерных, первичное от вторичного, древние общности от новых.

Точно так же непригодны для доказательства отдельные лексические соответствия, целый ряд которых был найден между отдельными семьями автохтонных кавказских языков. До тех пор, пока они не обнаруживают системного сходства, они не имеют доказательной силы.

Только регулярные фонемные соответствия могут доказать генетическое родство языков. Однако возникает вопрос о том, в какой области эти соответствия наблюдаются. Если они налицо только в маргинальных пластах лексики или в сфере так называемой «культурной» лексики, значит, мы имеем дело с заимствованиями. Трубецкой обозначил такой тип фонемных соответствий как «Fremdlautesetze»⁷. Иллюстрацией могут служить примеры соотношения арабского *f* и грузинского *p*:

Арабский		Грузинский
<i>sufrat</i>	«стол»	<i>supra</i>
<i>kāfūr</i>	«камфора»	<i>kapur</i>
<i>fikr</i>	«мысль»	<i>pikr</i>
<i>qafaş</i>	«клетка»	<i>qapar</i> (настенная полка)

³ А. А. Магомедов, Табасаранский язык, Тбилиси, 1965, стр. 189.

⁴ Арн. Чикобава, История изучения иберийско-кавказских языков, Тбилиси, 1965, стр. 3—4 (на груз. яз.).

⁵ Арн. Чикобава, Вместо предисловия, «Иберийско-кавказское языковедение», II, Тбилиси, 1948, стр. VII (на груз. яз.).

⁶ N. Troubetzkoу, указ. соч.

⁷ N. Troubetzkoу, Gedanken über das Indogermanenproblem, AL, I, 2, Copenhagen, 1939.

Но так называемые «Fremdlautgesetze» засвидетельствованы также и в генетически родственных языках: «черкесское η передается в абхазском в заимствованных словах как *kl*, в исконных словах ему соответствует *š*»⁸.

Эти «Fremdlautgesetze» обычно характерны для «культурной» лексики, в то время как «основного словаря» (Grundwortschatz) они касаются в Украине малой степени. Регулярные фонемные соответствия в «основном словаре» указывают на генетическое родство языков. Само собой разумеется, что при этом важно правильное толкование понятия «основной словарь». Запас слов, обозначаемый как «основной», вовсе не отделяется от остальной лексики произвольно. В основе его выделения лежат полученные опытным путем данные, накопленные сравнительно-историческим языкознанием в результате исследования многих отдельных семей языков. Обычно им являлась определенная элементарная часть всего языкового богатства, которая давала доказательству генетического родства языков регулярные фонемные соответствия.

Этот «основной словарь», играющий такую большую роль при доказательстве родства языков, имеет почти одинаковый семантический облик как в индоевропейской семье языков, так и в картвельской, нахско-дагестанской, финно-угорской, австронезийской, семитской, банту. Естественно, его лексическое наполнение в разных языковых семьях колеблется, и «основной словарь» в своем семантическом виде не остается абсолютным неизменным, однако различия представляются очень несущественными, так что в общем можно выделить следующие группы значений: отношения родства (*отец, мать, сын, дочь, дядя...*), наименования основных качеств и свойств (*холодный, горячий, старый, глухой, слепой*), названия частей тела (*глаза, нос, ухо, рука...*), названия животных (*волк, лиса, корова, собака, муха...*), названия растений и их частей (*дерево, лист, ветвь, шип, трава, колос...*), природы и ее явлений (*солнце, луна, небо, дождь, гора, вода...*), обозначения вещей повседневной жизни (*дом, огонь, дым, деревня, мясо, мука, молоко, соль, игла, молот...*), определения для временных границ (*день, ночь, год...*), обозначения элементарных действий (*видеть, гореть, варить, резать, любить, пить, есть...*).

Раньше к этому относительно устойчивому основному словарному фонду относили также числительные и личные местоимения. Однако вскоре раздалось голося, поставившие под сомнение правомерность этого⁹.

Разумеется, факт проникновения заимствований в какой-то язык не является особенностью нового времени. С этим следовало считаться уже с давних пор. Тот лексический запас, который мы относим к изначальному фонду языка-основы, вовсе не обязательно является исконным, но хотя бы частично может быть «пропитан» заимствованиями. Эти заимствования, естественно, переходят в родственные языки уже как исконные слова и в конце концов обнаруживают те же самые регулярные фонемные соответствия, что и унаследованный словарный состав. Наличие таких заимствований, предполагающихся уже для языка-основы, ставит под вопрос дальнейшую внутреннюю реконструкцию и сравнение реконструируемых частей различных праязыков. Вспомогательным средством для устранения некоторых, хотя и не всех подобных трудностей могут служить типологические критерии, позволяющие выявить в языке-основе те из заимствований, которые своей структурой выделяются на фоне остальной лексики праязыка¹⁰.

⁸ G. Deeters, W. Meyer-Eppler, Die tscherkessischen s-Laute, ZfPh, 1956, стр. 119.

⁹ Ср. высказывания Г. Габеленца в кн.: «Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse», 2. Aufl., Leipzig, 1901, стр. 152.

¹⁰ Ср.: Р. Якобсон, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, «Новое в лингвистике», 111, М., 1963, стр. 102.

Ж. Дюмезиль придерживался мнения, что генетическое родство между отдельными семьями кавказских языков может быть установлено только на основании регулярных фонетических соответствий, выявленных в аффиксальных морфемах¹¹. Не говоря о том, что при таком подходе материал для установления подобных соответствий произвольно ограничивается и его ядро, «основной словарь», остается вне поля зрения, следует также учитывать, что языки, которые далеко разошлись в процессе своего развития, едва ли обнаружат еще дозвучия в формантах. Более вероятно их выделение только в корневых морфемах. Именно такое отдаленное генетическое родство, когда распад праязыка остался уже далеко позади (гораздо дальше, чем в семитских или индоевропейских языках), придется иметь в виду, обращаясь к так называемым иберийско-кавказским языкам, если вообще здесь можно говорить о генетическом родстве.

Из сказанного следует, что иберийско-кавказская гипотеза о генетическом родстве картвельских, абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков может быть доказана только путем установления регулярных фонемных соответствий в семантически идентичных или сходных лексических единицах основного словарного фонда. Требование именно такого критерия, касающегося и формальной, и содержательной стороны языкового знака, вытекает из коммуникативной функции языка, из двусторонней природы языкового знака. Так как связь звуковой оболочки и значения не мотивирована, регулярные фонемные соответствия в семантически идентичных или сходных лексических срезах должны с необходимостью указывать на исторические связи, тем более что изменения фонологических систем носят не хаотический, а системный характер¹². Такой характер фонологических изменений в свою очередь предопределяет системность регулярных фонемных соответствий¹³.

Для доказательства генетического родства «иберийско-кавказских» языков сравнительно-историческое языкознание должно располагать данными 1) о наличии регулярных фонемных соответствий в семантически идентичных или сходных единицах основного словарного фонда; 2) о системном характере этих соответствий.

Постоянно проводимые кавказоведческие исследования позволяют еще раз проверить иберийско-кавказскую гипотезу в свете новых данных. В последнее время наибольшие результаты достигнуты в изучении картвельских и аварско-андийской группы дагестанских языков. Думается, что введение этих новых сведений в научный обиход даст хорошие результаты при проверке рассматриваемой гипотезы.

В одной из наших работ была предпринята попытка выявления регулярных фонемных соответствий на базе сравнения картвельской и аварско-андийской лексики¹⁴. Используемый при этом материал охватывал не периферийные слои лексики, а основной словарный фонд. Внутри этих соответствий мы искали определенную систему. Мы предполагаем, в частности, что аварско-андийским простым переднеальвеолярным согласным могут соответствовать картвельские средние сибиллянты, в то время как аварско-андийским «усиленным» переднеальвеолярным согласным — картвельские передние сибиллянты. Картвельским глухим велярным взрывным

¹¹ G. D u m é z i l, Morphologie comparée et phonétique comparée. A propos des langues caucasiennes du nord, BSLP, XXXVIII, 1937, стр. 122—124.

¹² H. L. K o r p e l m a n n, Phonologie, strukturelle Linguistik und die Zweckmäßigkeit in der Sprache, «Anthropos», 51, 1—2, Freiburg, 1956, стр. 207.

¹³ Ср.: Г. А. К л и м о в, О внешних связях картвельских языков, ВЯ, 1970, 6, стр. 41.

¹⁴ H. F ä h n r i c h, Sprachliche Veränderungen und ihr Erkennen, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Jena», 21 Jg., 5/6, 1972.

могут отвечать как «усиленные», так и «неусиленные» глухие веллярные взрывные аварско-андийских языков.

Конечно, можно возразить против непосредственного сравнения картвельских языков с аварско-андийскими. Несомненно, было бы логичнее сопоставить сначала аварско-андийские языки с дидойскими¹⁵, затем лакский и даргинский, лезгинскую группу и, наконец, привлечь нахские языки. Однако в настоящее время из всех нахско-дагестанских языков аварско-андийские являются наиболее изученными в сравнительно-историческом аспекте, именно поэтому они оказываются более пригодными для сопоставления с другими языками.

Представляется, что охарактеризованная здесь процедура составляет тот единственный путь, который способен привести к обоснованию родства между всеми семьями коренных языков Кавказа.

Перевела с немецкого *Д. А. Бейлина*

¹⁵ Подобную работу подготавливает Т. Е. Гудава (устная информация).